

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ СТАБИЛИЗАЦИИ СИБИРСКОГО СОЦИУМА В XVII В.: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Е.А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»,
Новосибирск, Россия

leroh@mail.ru

А.А. Люцидарская

Н.А. Березиков

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

lucid1@yandex.ru

warumbaum@gmail.com

В статье на основе источниковедческого анализа документов Сибирского приказа и этнографических исследований межэтнических взаимодействий рассматривается роль самоорганизации местных сообществ как самостоятельного фактора стабилизации этносоциальной ситуации в Сибири XVII в. В качестве методологического основания исследования предлагается синтез структуралистской и феноменологической парадигм, позволяющий при помощи таких понятий, как социальный порядок, управление и самоорганизация, описать межэтнический характер сибирских сообществ. Авторы исходят из положения, что каждое местное сообщество выстраивается во взаимодействии институтов социальной организации и самоорганизации. В силу того что центр был далеко, а население невелико, социальная дистанция между представителями центральной власти и власти на местах (и в целом между представителями власти и местного сообщества) не была значительной. Многие вопросы приходилось решать на месте, а центр лишь узаконивал те решения и порядки, которые складывались на местах. Это открывало возможность конкретным акторам (участникам процесса) проигрывать свои репертуарные роли свободно, исходя не только из своих формальных обязанностей, но и из личных и групповых интересов, а также из соображений прагматизма и благополучия местного сообщества. Формулируется гипотеза о том, что на ранних этапах русской колонизации Сибири роль горизонтальных отношений и личных статусов в становлении нового социального порядка была не менее значимой, нежели властная вертикаль и занимаемое индивидом положение на сословно-иерархической лестнице.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»).

Ключевые слова: русские и аборигены, Сибирь, интеграция, колонизация, самоорганизация, социальный порядок, стабилизация, местные сообщества, межэтнические взаимодействия.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-44-59

Процесс вхождения Северо-Восточной Евразии в политико-административное и социокультурное пространство России занял более двух столетий. Существует несколько терминов для его обозначения: завоевание, присоединение, колонизация. Каждый из них отражает историографические, методологические и идеологические традиции научного осмысления сложного и комплексного процесса, влияние различных научных школ, направлений и даже отдельных исследователей.

В центре внимания статьи находится его этносоциальный аспект, получивший в исторических источниках название «замирение», а в историографической литературе – умиротворение. Речь идет о переходе от военных действий между представителями коренных народов Сибири и сопредельных регионов, чей этногенез связан с территориями за пределами европейской России, и выходами из европейской части Великого княжества Московского (и отдельных земель Литовского княжества), к мирным формам межэтнических взаимодействий. Многие историки, археологи, этнографы рассматривали факторы стабилизации межэтнической ситуации в сибирском регионе на ранних этапах русской колонизации, но их внимание в основном было сфокусировано на военно-политическом, межконфессиональном и экономическом аспектах [1, 2, 7, 20, 14]. Выделение военно-политических, конфессиональных, торгово-экономических, инфраструктурных, мотивационно-личностных, информационных факторов стабилизации представляется вполне уместным в качестве поисково-

го приема на первоначальных этапах исследования.

Однако из поля зрения исследователей ускользал фактор самоорганизации сибирских сообществ. Стоит отметить, что большинство исследователей не подвергали сомнению влияние спонтанных процессов (к которым относится и фактор самоорганизации) на межэтническую интеграцию населения Сибири в указанный период. Однако исследование стабилизации межэтнических отношений в увязке с фактором самоорганизации сибирских сообществ позволяет выйти на новые, ранее не затрагивавшиеся аспекты истории Сибири. К ним относятся разворачивание процессов состязательности (соперничества) и сотрудничества (интеграции), влияние физико-географической и социокультурной сопостранственности, становление горизонтальных связей между социальными субъектами. Принимая это во внимание, следует подчеркнуть необходимость междисциплинарного подхода к исследованию факторов стабилизации межэтнических отношений в регионе.

Новый поворот в изучении классической для сибиреведения темы предопределил и новые задачи, самая значимая из которых заключается в выявлении базовых предпосылок этносоциальной стабилизации в XVII в. Новизна в постановке проблемы обусловила обращение к современной методологии социально-гуманитарных исследований, отличительными чертами которой являются междисциплинарность и полипарадигмальность. Под полипарадигмальностью понимается синтез структура-

листских и феноменологических установок, позволяющий удерживать в поле зрения макро- и микропроцессы, формирующие в совокупности новый социальный феномен – местные сибирские сообщества. В данной работе структурный детерминизм представлен методологией геополитического анализа, позволяющей строить типологию геополитических режимов включения географических регионов в социокультурное пространство государств и давать оценку статуса сибирских территорий в структуре российского государства. Феноменологический конструктивизм репрезентирован в статье интеракционистским подходом, на основе которого открывается возможность реконструировать этос сибирских насельников в XVII в., предопределивший принципы самоорганизации местных сообществ.

Социальная самоорганизация представляет собой становление горизонтальных связей между социальными субъектами. Субъектами выступают этнические общности Сибири и их представители, вступающие в контакт. Под интеграцией понимается процесс, в ходе которого социальные субъекты приобретают новое качество через соединение различных компонентов социальных систем. Применительно к этническим группам населения Сибири данный процесс подразумевает инкорпорацию разнородного в этническом отношении населения, проживавшего за пределами исторического ядра России, в ее политико-административные и социокультурные структуры на равных основаниях с русскими.

Понимание роли горизонтальных связей в условиях становления нового (русского) порядка требует отказа от редукции множества субъектов до двух (аборигены и пришельцы), признания этни-

ческого многообразия и его влияния на интеграционные процессы. Это позволяет увидеть, что помимо очевидной плоскости взаимоотношений автохтонного и пришлого, преимущественно восточнославянского, населения существует еще одна плоскость: взаимоотношения между коренными народами Сибири, одни из которых выступали в роли доминирующих, а другие – в роли доминантных субъектов (данники, кыштымы). Неравенство статусов сибирских этносов открывало для русских возможность привлекать для борьбы с самыми влиятельными из них зависимых данников.

Существует два режима включения географического пространства региона в социокультурное пространство страны. Первый из них может быть охарактеризован как интеграционный. Его структурными единицами являются ядро (центр), провинция (внутренняя периферия), периферия, граница (буфер, фронтир). Показателями динамики являются повышение / понижение статуса контролируемой территории. Переключение режима управления означает повышение либо понижение статуса территории в системе управления.

Второй режим следует охарактеризовать как колониальный. Его структурные единицы – колонии и метрополия. Управление колонией отличается от управления провинцией или внутренней периферией. Оно опирается на политическую и экономическую зависимость колоний от метрополии, эксплуатацию ресурсов и труда населения колоний, географическую обособленность и отдаленность от метрополии. Колониальный режим, как правило, не предоставляет прав гражданства жителям колонии наравне с населением метрополии. Это означает сужение каналов восходя-

шей мобильности для населения колоний, уменьшение социальной базы поддержки центральной власти, ограничение механизмов обратной связи между управляющими и управляемыми.

В этом свете русская колонизация Сибири представляет собой интеграционный процесс, который сопровождается превращением буферной территории в провинцию. Буферная территория имеет характеристики фронта, и контроль над ней осуществляется по преимуществу военно-политическими средствами. Именно с целью осуществления такого контроля российская власть спонсирует экспедиции и строительство форпостов (острогов) на территории Сибири в конце XVI – начале XVII в. По мере перехода управления из «ручного» в нормативный режим изменяются и формы контроля. В конце XVII в. можно уже говорить о преобладании политико-административных форм контроля над военно-политическими формами применительно к тем регионам, которые в начале XVII в. были плацдармом российской колонизации.

Таким образом, стабилизацию этносоциальной ситуации можно охарактеризовать как переход от взаимодействия, основанного на конфликтных отношениях, к солидарным, построенным на стратегиях сотрудничества и межэтнического взаимодействия.

Как свидетельствуют письменные источники исследуемого периода: законодательные документы (указы и грамоты), акты, отчетно-распорядительная документация (наказы воеводам, служебные записки, отчеты и отписки от приказчиков к воеводам, от воевод в Сибирский приказ), канцелярская делопроизводственная документация (приходно-расходные, посметно-помет-

ные книги и списки в виде книг) – степень русского военно-политического и административного доминирования в Сибири сильно различалась от региона к региону. Московская власть прокламировала на колонизируемом пространстве политику миролюбия, но настаивала при этом на скорейшем подчинении территории. В царских грамотах к воеводам настоятельно требовалось по отношению к автохтонам действовать «не жесточью, а ласкою» [23]. Эта установка не всегда укладывалась в реальность событий, однако на всем протяжении периода колонизации можно увидеть стремление к соблюдению баланса между применением силы, в том числе военной, и дипломатии.

Россия не пошла на реализацию исключительно военного сценария присоединения Сибири. Армия Московского государства конца XVI в. превосходила различные племенные объединения автохтонов, но царские воеводы ограничивались отдельными точечными операциями. В свою очередь, потестарные образования аборигенов не могли давать систематического отпора в силу внутренней политической нестабильности, хотя отдельным правителям – кучумовичам, князям так называемой Пегой Орды, енисейским кыргызым в степях Южной Сибири и племенам на Алтае, получившим наименование «белых колмаков», – удавалось на время сплотить то или иное родоплеменное объединение.

Многое зависело от политики предводителей отрядов служилых людей, которые брали на себя ответственность за самостоятельные, порой рискованные решения. Порой военачальники и дипломаты, вступая в контакты с враждебно настроенными объединениями аборигенов, принимали решения, далекие от рекомендаций Москвы,

однако в итоге добивались поставленных правительством задач. Царским правительством разрабатывалась стратегия, а тактические задачи решались на местах.

Ярким примером могут служить действия такой самодостаточной и умной личности, как Яков Тухачевский. В походе против «царского изменника» мурзы Тарлава (1631 г.) Тухачевский избежал решительного боя и кровопролития. Когда служилые люди по собственной инициативе предприняли штурм и Тарлав погиб в бою, Тухачевский похоронил его с почестями, соблюдая должный ритуал, «языческий» для православного. Эффект от этих действий был мгновенный: возобновились торговые контакты с местным населением, упрочилась легитимность русской власти в глазах тех соплеменников погибшего мурзы, которые выступали в этом походе на стороне русских. Неудивительно, что положение на северном Алтае в этот период времени стабилизировалось. Отметим, что выработка установок на уважительное отношение к «иноземцам» происходила иногда вопреки идеологическому воздействию правительства и церкви.

Появление в Сибири царских крепостей-форпостов в корне меняло ситуацию. Россия заняла место доминирующей силы, способной не только подчинить разрозненное население Сибири, но и выступать арбитром между враждующими сторонами. К приходу русских в Сибирь шла война всех против всех, не утихали межплеменные территориальные конфликты [10, с. 106].

Для легитимации собственной власти в глазах сибирских аборигенов царская администрация использовала традиционные для региона формы подданства. Краеугольными элементами являлись приведение в под-

данство (шерть), введение налогообложения (ясак) и обеспечение гарантий подданничества (аманатство) [26, с. 96]. Обложив сибирские народы налогом в виде пушнины, российское государство не изменило по сути их правового статуса, но во взаимоотношениях с ними не забывало и про «ласку», стараясь не допускать неадекватной несправедливости. Эти меры обусловили не только закрепление русского порядка в регионе, но и, что немаловажно, его признание как оправданного в сложившейся военно-политической ситуации. Косвенным свидетельством легитимации царской власти в восприятии аборигенного населения Сибири является широкое распространение в их среде образа «белого царя» как наполовину мифологического существа, оказывающего реальные милости, раздающего местным князьям осязаемые знаки отличия (ярлыки, грамоты, печати) [22]. Таким образом, в течение XVII столетия происходит ослабление силовой и наращивание административной и дискурсивной доминант политической легитимации московских государей в глазах местного населения, что, без сомнения, сыграло положительную роль в стабилизации этносоциальной ситуации в регионе.

Не менее значимым являлся конфессиональный фактор. Основу мировоззренческого ядра коренных народов Сибири составляло признание своей подчиненности природному миру. Согласно их представлениям, все существа природного мира выступали по отношению к коллективу людей в качестве тотемов. Это родство означало, что человек не отделял себя от природы, подобно тому как род не отделял себя от занимаемой территории [24, с. 18]. Для русских же отношение к природной среде было совершенно противоположным.

Ориентация на сельскохозяйственное преобразование экосферы проявилась в стереотипе хозяина, получившим библейскую санкцию: «И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему; и да владычествует он над рыбами морскими, и птицами небесными, и над скотом, и над всею землею» [5, Бытие, гл. 1, ст. 28]. Оценивая через призму преобразовательных возможностей собственной культуры свойства культур народов, ориентированных на природосберегающие стратегии хозяйственного развития, русские снисходительно характеризовали их черты, объясняя «дикость» местных жителей отсутствием у них должного представления об обязанностях человека перед создателем [13, с. 12, 13].

Пространство Сибири имело относительно малочисленное население, но оно не было пустым. Каждый населяющий ее народ имел своеобразную картину мира и идеологию, с точки зрения православия бесовскую, языческую. Патриаршая власть развивала миссионерскую деятельность на всей зауральской территории. Эта деятельность отчасти была успешной, если методы насаждения православия не были агрессивными. Известно, что аборигены обращались с просьбами к русским священникам для составления челобитных или иных письменных документов [15, с. 31]. Сам факт прямого контакта аборигенов с проводниками иной веры уже свидетельствует о возможности примирения двух различных мировоззренческих систем [3, с. 56, 57].

Зачастую автохтоны вкладывали свой смысл в православные каноны, не вникая в их сущность. Примером может служить отношение угорских народов Приобья к образу Николая Чудотворца. Они почитали его, однако весьма своеобразным, далеким от догматического православия способом:

мазали на иконах губы салом в знак надежды на милость, совершая, таким образом, привычный и понятный им обряд жертвоприношения пищей [19, с. 125]. Принятие христианства зачастую сводилось к ношению креста, редким посещениям храмов (в тех местах, где они были) и формированию зачатков синкретизма. Элементы синкретизма можно выявить у большинства этносов Сибири, Поволжья и прилегающих к Уралу территорий, в частности удмуртов, мордвы и коми-зырян [8, с. 35–49; 11, с. 101–111; 18, с. 49–58].

Достаточно частое разорение служилыми казаками языческих святилищ и капищ объясняется выплеском негатива по отношению к чужеродным сакральным силам. Православные казаки боялись непонятных духов, чуждой атрибутики священных для местных коренных жителей мест, опасаясь их злого влияния на свою жизнь и ход событий. Грань между страхом и ненавистью тонка, но она существует. Если страх это прежде всего острое ощущение опасности, то ненависть формируется как стойкий агрессивный негатив по отношению к объекту. В документальной базе письменных источников можно отыскать немало подтверждений этому тезису. В силу языческих божеств верили, а подчас и прибегали к ней не только простые православные прихожане, но также воеводы и некоторые представители сибирской военно-административной элиты. Из сочинения протопопа Аввакума известен факт обращения к шаманам военачальника Пашкова с целью провести обряд камлания для победы в военной стычке с аборигенами [17, с. 623]. Таким образом, в XVII в. не только православие оказывалось в зоне межэтнических контактов. Архаизации подверглось и религиозное мировоззрение русских, в Сибири

возродились многие языческие обычаи и обряды. В зоне контактов оказались языческие верования коренных и пришлых сибиряков. Религиозный синкретизм стал своего рода мировоззренческим компромиссом, отразившим переход от войны культов к формированию топонимического нарратива, маркирующего одни места (например, места погребения и родовые кладбища) как этнические, а другие – как общице.

Еще одним весьма влиятельным фактором стабилизации следует считать торгово-экономическое и инфраструктурное развитие региона. Его влияние на процесс перехода от конфликтных к интеграционным формам межэтнического взаимодействия заключается в том, что нормы и правила жизни, которые возникали вокруг сибирских острогов и крепостей, становились привлекательным образцом для подражания. Это служило мотивом для примирения, для поиска компромиссов и способствовало тому, что межэтнические отношения становились всё более миролюбивыми.

Налаженные связи с европейской частью страны играли важную роль в стабилизации обстановки в Сибири. Для царской власти такие связи – экономические, инфраструктурные, культурные, социально-политические, информационные – были приоритетной задачей. Сибирь вплоть до середины XVII в. остро нуждалась в продовольствии и товарах первой необходимости. Наряду с правительственными поставками существовали и частные поставки зерновых в Сибирь. Государственные поставки из европейского региона продолжались до середины 1680-х гг. [16, с. 88–91]. Для организации жизненно необходимого товарного обмена России с Сибирью требовались транспортные пути. Нельзя не согласиться с О.Н. Вилковым в том, что «дороги служи-

ли своеобразным каркасом, стягивающим обособляющиеся на базе естественно-географического и общественно-экономического разделения труда местности страны в единый хозяйственный организм» [6, с. 10].

В торговле с далекой окраиной участвовали торговые люди практически из всех уголков государства. Продолжительность поездок, длившихся несколько месяцев, неизбежно вовлекала участников этого процесса в контакты самого разного уровня. Рассказы, всевозможные слухи быстро передавались новым слушателям. На различных торгах обсуждались и перипетии местной жизни, и политические вопросы государственного значения. По сути, торговцы выступали как связующее звено информационного и культурного обмена между населением метрополии, колонистами и аборигенным населением. В результате такой политики города Сибири не были замкнутыми системами: динамика их коммуникаций с территориями России начиная с XVII в. нарастала.

Следует также обратить внимание на трудности коммуникационного обеспечения политико-административного контроля. Для понимания ситуации, сложившейся в Сибири в конце XVI – начале XVII в., необходимо учитывать громадное пространство, отделяющее первых сибирских поселенцев от органа центральной власти. Между Москвой и Сибирью не лежал океан, но пролегла долгая неустроенная дорога, полная опасностей. Архивные документы позволяют определить сроки доставки сообщений в Москву. В публикации И.Р. Соколовского приводятся данные о сообщении с Москвой ближайшего к центру России сибирского города, который именовали «воротами в Сибирь» – Верхотурья. В 1601 г. сроки доставки корреспонден-

денции и «государевой казны» из Верхотурья в Москву в среднем составляли 2,5 месяца [25, с. 31]. Помимо отсутствия обустроенных дорог на время пребывания в пути влияла погода; кроме того, служилых, сопровождавших почту и грузы, могли подстергать и иные опасности. Иногда по самым различным причинам доставка корреспонденции значительно задерживалась. Так, царская грамота от 29 июля 1622 г. достигла тобольского архиепископа Киприана только в последний день января следующего года [15, с. 32]. И это Западная Сибирь, с восточными регионами было еще сложнее.

В экстренных ситуациях (неожиданные воинственные выступления аборигенной элиты, пожары, наводнения и многие иные обстоятельства, требующие немедленных действий) воеводам приходилось принимать самостоятельные решения [21, с. 229–233]. Например, при наводнении 1649 г. в Енисейске церкви, городские дворы и деревни затопило, в воде оказались хлебные житницы. Воевода Ф.П. Полибин в своей отписке в Сибирский приказ сообщал, что принял скорое решение выводить на судах спасенные хлебные запасы в монастырь и на возвышенности, а весь промокший хлеб посушить и использовать для приготовления солода. Центральная власть отреагировала на полученные от него сведения более чем через два года: в выписке Сибирского приказа отмечены его усилия по борьбе со стихией. Подобных же ситуаций у правителей сибирских территорий было немало; московским властям оставалось лишь одобрить инициативу воевод либо высказать свои нарекания.

В Москве был создан Сибирский приказ, куда стекалась вся информация о происходящих в Сибири событиях (до этого его роль выполнял Посольский приказ,

а затем Казанский). Через это учреждение проходили все указы и распоряжения, касающиеся сибирской жизни, многочисленные отписки сибирских воевод, материалы фискального, судебного и иного характера. В Сибирский приказ поступала и документация, относящаяся к дипломатической деятельности с пограничными территориями. Кроме того, он был буквально завален разного рода челобитными на имя царя. С просьбами к верховной власти обращались все слои населения, от воевод до гулящих людей. Однако прежде чем попасть в Москву, многочисленные документы проходили через сито местного управленческого аппарата. Таким образом, сибирская администрация была в курсе всего происходящего.

Не обладая необходимыми силами и средствами для тщательного контроля за новой «украиной», царское правительство предоставляло широкие полномочия в повседневном управлении дьякам царского приказа, занимавшегося Сибирью, и местной воеводской власти. По каждому значительному и малозначительному поводу в Москву отправлялись отписки сибирских воевод. В свою очередь, из центра поступали указы воеводам в разные регионы Сибири. В связи с большими расстояниями эта связь работала со значительным опозданием. Зачастую к моменту получения распоряжений обстановка менялась, в результате воеводы вынуждены были действовать самостоятельно.

В ранней сибирской истории существовало иное восприятие мира, расстояния в XVII в. исчислялись затраченным на путь временем: «ходу две недели», или от одного поста до другого, от одного церковного праздника до следующего [15, с. 29]. Зачастую историки Сибири, говоря о домини-

ровании «руки Москвы» в сибирской деятельности воевод допетровского периода, не учитывают восприятия хронотопа современниками. Именно по этим причинам Сибирь в указанный период оставалась, по сути, в статусе самоуправляемого края, входящего в состав Московского государства.

Определенная самостоятельность людей, отвечающих за порядок и безопасность, открывала широкий простор для личной инициативы и гибкого реагирования на трудные ситуации, что, без сомнения, также облегчало нахождение компромисса между различными социальными и этническими группами населения. Это ставит вопрос о роли самоорганизации в становлении нового социального порядка, источником которого были гарнизоны русских крепостей.

Социальный порядок – понятие, которое используется в социологии повседневности для обозначения неформальных и чаще всего неотрефлексированных норм и правил взаимодействия людей [9, 12, 27]. Социальный порядок представляет собой иерархию и / или последовательность взаимосвязанных норм и правил проигрывания социальных ролей, организующих взаимодействие. Особенность таких норм и правил заключается в том, что они вызываются к жизни тогда, когда их использование обусловлено определенной ситуацией, принципиально неразрешимой без обращения к ним. Люди интерпретируют социальные ситуации и действуют в них как компетентные участники, ориентируясь не только на собственные цели, но и на данные установления. Их воспроизводство делает социальную жизнь людей предсказуемой, что не исключает определенную степень свободы акторов в проявлении своей индивидуальности при проигрывании той

или иной социальной роли: воеводы, казачьего головы, посла, князьца и т. д..

Становящийся социальный порядок в Сибири XVII в. возникал из нескольких контекстов, каждый из которых относился к тому или иному уровню реальности. «Высшим» уровнем реальности объявлялось приведение в подданство под государеву руку народов и территорий за Уралом. Однако полноценный контроль за деятельностью «государевых людей», на которых была возложена эта миссия, был невозможен. Немаловажным оказывалось и то обстоятельство, что формирующийся порядок по некоторым значимым характеристикам весьма существенно отличался от сложившегося в европейской части России. Так, отсутствие крепостного права оставляло более широкое пространство для личной свободы и социальной автономии индивида. Укоренившееся в России крепостничество давало свои ростки в Сибири в форме добровольного или насильственного (пленные ясыри-аборигены) холопства.

Отсутствие контроля со стороны центральной власти порождало злоупотребления, которые можно было списать на сложности военного времени. Вместе с тем повседневная жизнь, ее нужды, ценности и социальные представления, в том числе морального и религиозного характера, «перенастраивали» работу институциональных механизмов на иной регистр, более соответствующий потребностям людей и их ожиданиям от власти. Если этого не происходило, возникали конфликты. Учитывая немногочисленность контингента служилых людей в Сибири первой трети XVII в., можно предположить, что «государевы люди» не были заинтересованы в открытой конфронтации с местным коренным населением.

В отношениях с местным населением русские использовали те формы межэтнического сотрудничества, которые исторически сложились на Восточно-Европейской равнине между восточными славянами с одной стороны и финно-уграми и балтами – с другой. Так, при условии политической лояльности центральной власти сохранялась автономия инкорпорируемых народов в вопросах семейных и религиозных отношений, местного самоуправления. Необходимо учитывать, что данные сферы жизни определяли ткань повседневности в XVII в. Они регулировались, как известно, нормами обычного права аборигенных народов Сибири.

По мере становления русского порядка на сибирских территориях усложнялась этносоциальная структура населения сибирских острогов, а у городов-крепостей стали появляться новые, невоенные функции. Для проявления личной инициативы в Сибири открывались самые широкие перспективы. В далекие от строгой правительственной регламентации регионы попадали, как правило, люди активные, пассионарные, достаточно легко принимающие новые условия жизни и любые новации в целом. Таких людей среди колонистов было большинство. Они относительно быстро находили свое место в сибирском переселенческом социуме. Как правило, при переселении их социальное и материальное положение улучшалось. Даже гулящие люди, остававшиеся в европейской части России за бортом иерархического порядка, находили в Сибири возможность не только прокормиться, но и повысить свой социальный статус в системе отличных от центральной России общественных отношений.

Сибирь привлекала не только возможностью изменить свое социальное и мате-

риальное положение, но и определенной «вольностью» нравов, отсутствием строгой регламентации и контроля. Проштрафившихся казаков наказывали, иногда жестоко, ссылали в отдаленные регионы, но их статус, как правило, при этом оставался прежним. Смертная казнь в Сибири на практике применялась крайне редко, лишь в исключительных случаях. Надо заметить, что при довольно жесткой регламентации и стратификации русского общества в колонизируемой Сибири было несравненно больше свобод и фактов волеизъявления народа, нежели в метрополии, и это положение сохранялось вплоть до первой четверти XVIII в.

Всякий социальный порядок, в том числе локальный, предполагает синтез двух оснований социального взаимодействия: вертикального и горизонтального. Поскольку объектом настоящего исследования является сибирский социум в далеком прошлом, чрезвычайный интерес вызывает опыт исследования *современных* локальных и региональных сообществ, которые являются продуктом взаимного наложения структур политико-административного регулирования и сетей социальной самоорганизации [28]. Данный опыт можно экстраполировать и на сибирские сообщества XVII в.

В первом случае речь идет о военном и политико-административном контроле государства, самого влиятельного социального института общества [4, с. 96, 97]. В XVII в. государство играло главную роль в процессах организации переселенческих сообществ в Сибири, было неким началом, относительно которого выстраивалась жизнь населения. Даже в случаях, когда центральная власть реально никак не участвовала в социальных отношениях, ее номинальное присутствие влияло на функционирование

любого отдельного сообщества. Это проявлялось в политических формулах (например, последовательном перечислении монарших титулов), способах упоминания о персоне государя и обращения к нему чело­битчиков. Реальное присутствие государства было связано с наличием специального центрального органа управления Сибирью (Сибирского приказа) и местных гарнизонов с административными службами (воеводств).

Однако в силу того, что центр был далеко, а население невелико, социальная дистанция между представителями центральной власти и власти на местах (и в целом между представителями власти и местного сообщества) не была значительной. Это открывало возможность конкретным акторам проигрывать свои репертуарные роли свободно, ориентируясь в том числе на личные и групповые предпочтения, а также соображения прагматизма и благополучия. В экстремальных условиях, когда всё зависело от конкретных людей, численность которых была невелика, в первую очередь обращалось внимание на их личные качества и компетенции. Сословный статус и уровень полномочий в служилой иерархии нередко дополняли, но не могли на деле заменить индивидуальные способности, которые влияли на положение человека в местном сообществе, возможности его продвижения по службе, авторитет и репутацию.

В означенный период Сибирь как вновь вошедшая в состав Российского государства территория претерпевала изменение своего геополитического статуса, утрачивая характеристики буферной зоны и приобретая черты внутренней периферии. Ее население пользовалось весьма существенными личными свободами, в отличие от населения европейской части России,

испытывавшего повторное закрепощение крестьянства, усиление абсолютизма, сокращение сферы личных свобод. Данное обстоятельство создавало мотивацию для массовой миграции на сибирскую периферию. Вопрос о человеческой неполноценности населения вновь завоеванных территорий практически не возникал, что позволяло выстраивать на личном уровне партнерские отношения между родовыми князьями и улусными старшинами с одной стороны и воеводами и казацкими головами – с другой. Поведенческие практики знати становились со временем нормой и для социальных низов. Таким образом, признание автономности сибирских народов в семейных и экономических вопросах, в религиозной сфере и сфере местного самоуправления, понятные большинству коренного населения формы принятия подданства и обоснования политической легитимации царской власти облегчали интеграцию аборигенных этносов в местные сообщества, формировавшиеся вокруг первых сибирских городов-острогов. Широкое распространение практик горизонтальной самоорганизации послужило одной из базовых предпосылок стабилизации этносоциальной ситуации в регионе.

Другой предпосылкой данного процесса можно считать формирование социального этоса населения сибирских острогов, включающего, с одной стороны, личную инициативу и предприимчивость, с другой – готовность к коллективной мобилизации во имя социального служения. Такой сложный комплекс этических представлений позволил сформировать систему неформальных связей, ориентированных на горизонтальные взаимодействия. Данная система, чрезвычайно эффективная в экстремальных условиях, позволяла компенсировать

ровать дефицит центральной власти, заместив ее самоорганизацией. Удаленность от центральной власти и серьезные временные затраты на сношение с центром обусловили высокую степень ответственности лиц, принимавших решение на местах. В условиях становления в XVII в. местных сибирских сообществ данные обстоятельства вынужденно обусловили определенную независимость от центра в принятии значимых для жизни местных сообществ решений.

Литература

1. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 3, ч. 1. – С. 252–296.
2. Бахрушин С.В. Мангазейская мирская община в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 3, ч. 1. – С. 297–330.
3. Березиков Н.А. Казаки – землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 3. – С. 56–59.
4. Березиков Н.А. Правовые и символические аспекты легитимации казаками политической власти на новых территориях. Сибирь XVII в. // Словесные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сборник материалов всероссийской научной конференции / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2014. – С. 96–103.
5. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Библийское общество, 1993. – 1371 с.
6. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1990. – 368 с.
7. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. – 204 с.
8. Владыкин В.Е. Из истории религиозно-синкретизма у удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 35–49.
9. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
10. Гемуев И.Н. Все против всех (по данным мансийского фольклора) // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1997. – С. 106–109.
11. Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. № 3. – С. 101–111.
12. Гофман П. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
13. Ерохина Е.А. Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII – сер. XIX вв. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 5–15.
14. Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. – 120 с.
15. Люцидарская А.А. Механизмы передачи информации в Сибири XVII – начала XVIII в. // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX веков. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. – С. 27–32.
16. Люцидарская А.А. Связи населения Сибири с европейской частью России (XVII – начало XVIII века) // Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – С. 88–97.
17. Люцидарская А.А. Сочинения протопопа Аввакума как источник по этнографии России XVII столетия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 622–625.

18. *Мокшин П.Ф.* Религиозный синкретизм у моравы // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 49–58.
19. *Перевалова Е.В.* Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 4 (21). – С. 119–130.
20. *Покровский Н.Н.* Томск, 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 388 с.
21. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в.: сборник документов / сост. М.О. Акишин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 400 с.
22. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 214. – Оп. 1. – Кн. 172. – Л. 11–20.
23. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. – Ф. 21. – Оп. 4. – Ед. хр. 31. – Л. 89.
24. *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
25. *Соколовский И.Р.* Почтовые службы XVII века на окраинах: сравнительный аспект // История Сибири, 1583–2006 гг. Проблемы и перспективы: сборник материалов региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2006. – С. 28–37.
26. *Шерстова Л.П.* Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII веке // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 93–98.
27. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов. – М.: Институт Фонда Общественное мнение, 2003. – 336 с.
28. Regional society as a subject of social development / I.A. Guskov, A.V. Popov, O.Y. Posukhova, Y.Y. Volkov // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, iss. 3. – P. 223–230.

ADMINISTRATIVE REGULATION AND SELF-ORGANIZATION AS STABILIZING FACTORS OF THE SIBERIAN SOCIETY IN THE XVII CENTURY: ETHNOSOCIAL ASPECT

E.A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation

leroh@mail.ru

A.A. Lutsidarskaya

N.A. Berezikov

Institute of Archaeology
and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

lucid1@yandex.ru

warumbaum@gmail.com

The article is devoted to the role of self-organization as an independent fact of the ethno-social stabilization in Siberia in the XVII-th century. As a methodological basis of research the authors propose a synthesis of structural and phenomenological paradigms, which allows using such concepts as social

order, management and self-organization of local Siberian ethnic communities to describe their interethnic nature. In the authors' opinion each local community forms up in the interaction between the institutes of social organization and self-organization. Due to the fact that the central government was at a distance and Siberian population was small, the social distance between the central government and local authorities, and, in general, between the government and the local community was not that important. Many problems had to be solved on the spot and the center only legitimized the decisions and orders. The local community solved the problems in the provinces and the central authority just legitimated the decisions and orders which had been made at the local level. The situation encouraged the actors (the participants of the processes) to play their roles freely depending not only on their formal duties but also using their personal and group interests, taking into consideration practical needs and welfare of the local communities. The authors suggest a hypothesis of the importance of horizontal relations, personal status in the formation of a new social order, which was not less important than the vertical power structure.

Keywords: the Russians and the natives, Siberia, integration, colonization, self-organization, public order, stabilization, local community, interethnic interaction.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-44-59

References

1. Bakhrushin S.V. Voevody Tobol'skogo razryada v XVII v. [The governors of Tobolsk region in the XVII century]. Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy* [Studies in Humanities]. Moscow, USSR academy of science Publ., 1955, vol. 3, pt. 1, pp. 252–296.
2. Bakhrushin S.V. Mangazeiskaya mirskaya obshchina v XVII v. [The community of Mangazeya in the XVII century]. Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy* [Studies in Humanities]. Moscow, USSR academy of science Publ., 1955, vol. 3, pt. 1, pp. 297–330.
3. Berezikov N. A. Kazaki-zemleprokhodtsy i aborigeny Sibiri: pervye vstrechi i rozhdenie obrazov [Cossacks-explorers and aboriginal peoples of Siberia: the first encounters and creation of images]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*, 2010, no. 3, pp. 56–59.
4. Berezikov N.A. [The legal and symbolic aspects of the political power legitimation by cossacks on the new territories. Siberia in the XVII century]. *Sosloynye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Azjatskoi Rossii (XVII – nachalo XX veka): materialy vserossijskoi nauchnoj konferencii: sbornik materialov vserossijskoi nauchnoi konferentsii* [The estate and social and cultural transformations of the Asian Russia (XVII – the beginning of the XX century): the materials of the all-Russian scientific conference]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2014, pp. 96–103. (In Russian)
5. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisanija Vetkhnogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Writ of the Old and New Testament]. Moscow, Bible Society Publ., 1993. 1371 p. (In Russian)
6. Vilkov O.N. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [The essays of the social and economic development of Siberia in the end of the XVI – beginning XVIII century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 368 p.
7. Vershinin E.V. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)* [The governor management in Siberia (XVII century)]. *Razvivayushchee obuchenie* Publ., 1998. 204 p.
8. Vladykin V.E. Iz istorii religioznogo sinkretizma u udmurtov [From history of Udmurt religious syncretism]. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [World outlook of the Finno-Ugric]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 35–49.
9. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. Cambridge, Polity Press, 1967 (Russ. ed.: Garfinkel' G. *Issledovaniya po etnometodologii*. Translated from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 335 p.).
10. Gemuev I.N. Vse protiv vsekh (po danym mansiiskogo fol'klora) [All vs. All (on Mansi folklore)]. *Narody Sibiri: istoriya i kultura* [Siberian people: history and culture]. Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography Publ., 1997, pp. 106–109.
11. Golubkova O.V. Etnokul'turnoe vzaimodeistvie severnykh komi-zyryan i russkikh v sfere

sakral'nogo simbolizma [Ethno-cultural interaction of the northern Komi-Zyrians and the Russians in the realm of sacral symbolism]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2006, no 3, pp. 101–111. (In Russian)

12. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston, Northeastern University Press, 1986 (Russ. ed.: Gofman E. *Analiz sremimov: esse ob organizatsii povsednennogo opyta*. Translated from English. Moscow, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 752 p.).

13. Erokhina E.A. Vliyaniye mirovozzrencheskikh tsennostei russkogo etnicheskogo soznaniya na kharakter vospriyatiya inoetnicheskikh kul'tur Zapadnoi Sibiri: XVII – ser. XIX vv. [The influence of world outlook values of Russian ethnic consciousness of the nature of the perception of other ethnic cultures of West Siberia: XVII – the middle XIX centuries]. *Russkie Sibiri: kul'tura, obychai, obryady* [Russian Siberia: the culture, customs, rites]. Novosibirsk, 1998, pp. 5–15.

14. Zuev A.S. *Otechestvennaya istoriografiya prisoeдинeniya Sibiri k Rossii* [The native historiography of Siberian annexation to Russia]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2007. 120 p.

15. Lyutsidarskaya A.A. Mekhanizmy peredachi informatsii v Sibiri XVII – nachala XVIII v. [The mechanisms of the information transmission in Siberia in the XVII – beginning XVIII century]. *Voprosy evolyutsii informatsionnoi sredy i kommunikativnoi kul'tury sibirskogo goroda XVII–XIX vekov* [The questions of the evolution of the information environment and communicative culture of Siberian towns in the XVII–XIX centuries]. Novosibirsk, Institute of history of Siberian branch of Russian academy of science Publ., 2008, pp. 27–32.

16. Lyutsidarskaya A.A. Svyazi naseleniya Sibiri s evropeiskoi chast'yu Rossii (XVII – nachalo XVIII veka) [The relations of Siberian population with European part of Russia (XVII – beginning XVIII century)]. *Sibir' i Russkii Sever: problemy migratsii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii (XVII – nachalo XXI)* [Siberia and Russian North: the problems of the migration and ethnocultural interactions (XVII – beginning XXI century)]. Novosibirsk, In-

stitute of archeology and ethnography of Siberian branch of Russian academy of science Publ., 2014, pp. 88–97.

17. Lyutsidarskaya A.A. Sochineniya protopopa Avvakuma kak istochnik po etnografii Rossii XVII stoletiya [The essays of the archpriest Avvakum as Russian ethnographic source of the XVII century] *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [The problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and contiguous territories]. Novosibirsk, Institute of archeology and ethnography of Siberian branch of Russian academy of science Publ., 1999, vol. 5, pp. 622–625.

18. Mokshin I.F. Religiozniy sinkretizm u mordvy [The Mordovians religious syncretism]. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [World outlook of the Finno-Ugric]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 49–58.

19. Perevalova E.V. Atykh Mikola-Torum (Milstiviy bog Nikolai) [Atykh Micola Torum (merciful god Nikolas)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik – Ural Historical Journal*, 2008, vol. 4 (21), pp. 119–130.

20. Pokrovskii N.N. *Tomsk, 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast' i zemskie miry* [Tomsk, 1648–1649. The governors power and local communities]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 388 p.

21. Akishin M.O., comp. *Pribyl'nye dela sibirskikh voevod i tamozhennykh golov XVII – nachala XVIII v.: sbornik dokumentov* [Profitable business of the Siberian governors and custom-house officers in the XVII – beginning XVIII century: the collection of the documents]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2000. 400 p.

22. Russian State Archive of Ancient Documents. F. 214. Inv. 1. Doc. 172. L. 11–20. (In Russian)

23. Saint-Petersburg branch of the Russian Academy of science archive. F. 21. Inv. 4. Doc. 31. L. 89. (In Russian)

24. Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri: znak i ritual [The tradition world outlook of the Turkic people in the South Siberia. The sign and ritual]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 209 p.

25. Sokolovskii I.R. [Post services in the XVII century in the remote areas: comparative

aspect]. *Istoriya Sibiri, 1583–2006 gg. Problemy i perspektivy*: sbornik materialov regional'noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii [The history of Siberia, 1583–2006. Problems and perspectives: the collection of the youth scientific conference]. Novosibirsk, 2006, pp. 28–37. (In Russian)

26. Sherstova L.I. Aborigennaya politika Moskovskogo tsarstva v Sibiri: problema sinteza sotsial'no-politicheskikh institutov v XVII veke [The aboriginal politics of the Moscow state in Siberia: the problem of the social synthesis of the social and political institutes in the XVIIIth century].

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2012, vol. 365, pp. 93–98.

27. Schütz A. *Smyslovaya struktura povesdnego mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [On phenomenology and social relations: selected writings]. Translated from English. Moscow, Institute of the Fund “Public opinion” Publ., 2003. 336 p. (In Russian)

28. Guskov I.A., Popov A.V., Posukhova O.Y., Volkov Y.Y. Regional society as a subject of social development. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, iss. 3, pp. 223–230.